

Д.С. ПОПОВ

*Магистрант 1 курса
Институт философии СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия*

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРРАТИВНЫХ ОБРАЗОВ СТОИЦИЗМА В МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье на основе анализа произведений А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, М. Горького, Г. Сенкевича, Ф. Пессоа, Э. М. Ремарка, Э. Хемингуэя, Т. Уайлдера, Б. Брехта, У. Перси а также критических работ выявляются и сопоставляются рецепции стоицизма в мировой художественной литературе конца XIX - первой половины XX вв., что позволяет проследить трансформацию его нарративных образов. Исследование опирается на разделение понятий «учение Стои» (школьная доктрина) и «стоицизм» (рефлексия над учением Стои); принимает во внимание особый, почти анонимный способ бытия стоицизма в западной культуре; учитывает существование образов и клише, которые принято ассоциировать со стоиками, но которые с ними не связаны. Анализ проводится в широком историческом контексте и позволяет лучше усматривать значение стоического наследия для культуры и философии западного мира XX века.

Ключевые слова: Стоя, стоицизм, художественная литература, нарратив
Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-01123 А «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемического дискурса».

D. S. POPOV

*Магистрант 1 курса
The Institute of philosophy,
Saint Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia*

TRANSFORMATION OF THE NARRATIVE IMAGES OF STOICISM IN THE WORLD LITERATURE OF THE LATE 19TH AND THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

The article reveals and compares the receptions of stoicism in the world literature of the late 19th - first half of the 20th century. It enables to trace the transformation of its narrative images. The analysis is based on the works of A.P. Chekhov, L. N. Tolstoy, M. Gorky, H. Sienkiewicz, F. Pessoa, E. M. Remark, E. Hemingway, T. Wilder, B. Brecht, W. Percy and critical research. The study starts from assumptions of discerning of the

concepts of «the teaching of Stoic» (school doctrine) and «stoicism» (reflection on Stoic's doctrine). It takes into account the special, almost anonymous way of being of Stoicism in Western culture and the existence of images and clichés, which are customary to associate with the Stoics, but which are not related to them. The study considers a broad historical context and makes it possible to better understand the significance of the Stoic heritage for the culture and philosophy of the 20th century Western world.

Keywords: Stoicism, literature, narrative

Философия Стои сегодня всё больше привлекает внимание исследователей и широкой публики. Однако было бы ошибкой полагать, что такой интерес возник недавно. Пристальное внимание к стоическому наследию сопровождало и философию, и культуру в целом ещё прошлого века – века, который ознаменовался не только величайшими потрясениями и катастрофами, но и кардинальным пересмотром привычной классической картины мира, когда были переосмыслены основания и принципы науки, искусства, политики, философии. В этом контексте представляется важным рассмотреть трансформации нарративного образа стоицизма, которые имели место в мировой художественной литературе конца XIX – начала XX веков. В указанный период – до появления телевидения и Интернета – именно литература была рупором живой мысли; она не только отзывалась на происходящие в мире события, но и создавала социальную реальность, оказывая влияние на общество и его настроения. Поэтому исследование нарративных образов стоицизма в литературе этого времени дополнит научное знание об историческом пути стоической философии, а также об обществе конца XIX – начала XX веков, которое в очередной нелёгкий период истории обращалось к стоическому наследию.

Это исследование опирается на ряд установок, которые призваны обеспечить обстоятельный и адекватный анализ нарративного образа стоицизма в литературе. Во-первых, мы принимаем во внимание имеющуюся в отечественной истории философии дифференциацию понятий *учение Стои* (полнота доктрины исторической Стои) и *стоицизм* (различного рода рефлексии над учением Стои) [17; С. 6]. Во-вторых, мы соглашаемся с мнением К. Ясперса, согласно которому стоическая система в культуре Запада существует как «универсальная, почти анонимная» [26; С. 182]. Следовательно, в-третьих, мы постулируем необходимость поиска достаточных оснований для возведения того или иного литературного образа или сюжета к стоицизму. Например, в современном русском языке лексема «стоицизм» помимо прямого значения (направление в античной философии) имеет и переносное: стойкость, мужество в жизненных испытаниях [15; С. 270]. Действительно, в целом ряде отечественных и зарубежных произведений эпитет «стоический» используется в значении «мужественный»,

«невозмутимый»). Такой вполне правомерный переход от стоицизма к невозмутимости, однако, однонаправлен, поскольку видеть в любом художественном повествовании о мужественном и стойком человеке аллюзию на стоическую философию безосновательно. На это уже обращали внимание другие исследователи, говоря о том, что в западной литературе существует множество клише, которые принято интерпретировать как стоические, но которые в то же время являются производными из других установок, мировоззрений и не свидетельствуют о вовлеченности их авторов в стоическую проблематику [30; С. 710].

Таким образом, в этой статье мы будем обращать внимание в первую очередь на наличие в текстах лексем «стойко», «стоический», «стоицизм», имён стоических философов или понятий из стоического учения; также мы будем учитывать наличие и отсутствие свидетельств о знакомстве авторов с текстами стоической школы.

Нарративные образы стоицизма в художественной литературе Российской империи конца XIX – начала XX веков

В европейской литературе рубежа XIX и XX веков за редким исключением подвергается критике как терапевтическая, так и мировоззренческая составляющие стоицизма, а также модель отношений стоика к окружающим миром. При этом в указанный период стоические идеи получили наиболее глубокое и разностороннее осмысление в произведениях А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, М. Горького. Это осмысление особенно ценно потому, что ему сопутствовало изучение указанными писателями стоического учения.

В произведениях А. П. Чехова, который был хорошо знаком с текстами стоиков и в середине 1880-х годов с восхищением отзывался об их мудрости [23; С. 185, 189], стоические мотивы занимают видное место: они присутствуют в ключевых художественных текстах писателя. Обычно в этом ряду называют произведения «Скучная история» (1889), «В ссылке» (1892), «Палата № 6» (1892), «Моя жизнь» (1896), «Дядя Ваня» (1896). Впрочем, характер образа стоицизма в книгах А. П. Чехова таков, что не позволяет сделать однозначный вывод о восприятии стоических идей писателем. Некоторые исследователи полагают, что А. П. Чехов прошёл период увлечения стоицизмом, в дальнейшем преодолев его [7; С. 196]. Другие оспаривают это мнение, говоря о явном «стоицизме» писателя и его произведений [16; С. 178]. В контексте этой полемики ключевым для отечественных критиков становится рассказ «Палата № 6»; в частности, интерпретация образа доктора Рагина. Слабовольный и нерешительный человек, он, ввиду неспособности изменить свою жизнь и привести в порядок вверенное ему место, пытается выстроить собственное существование на принципах, которые очень напоминают стоические. Герой рассказа не

только говорит о подлинном благе, довольстве только внутри человека [22; С. 100] и ничтожности всего внешнего [Там же; С. 105], но и прямо апеллирует к стоикам. Его душевнобольной пациент Громов яростно критикует принципы Стои как мёртвые и нежизненные, презирующие саму сущность человека, которая «состоит из ощущений голода, холода, обид, потерь и гамлетовского страха перед смертью» [Там же; С. 101]. Если принять во внимание то, что Рагин, оказавшись в итоге заключённым в ту же самую палату для душевнобольных, скоро оказывается сломлен и умирает, становится ясно, что его идеалы показаны в произведении несостоятельными.

Очевидно, что говорить о каком-либо расположении А. П. Чехова к стоикам невозможно, не элиминировав критический пафос «Палаты № 6». Стронники мнения о присутствии «стоицизма» в произведениях А. П. Чехова используют в качестве аргумента интерпретацию А. Скафтымова, который усматривает в образе Рагина воплощение не стоических, но шопенгауэровских идей [14; С. 387]. Эта позиция, однако, далеко не однозначна. Сам А. Шопенгауэр, ценивший стоическую мысль, критикует стоиков почти в тех же терминах, в которых это делает Громов в «Палате № 6»: «[Стоик] никогда не мог обрести жизненности <...> оставался застылым деревянным манекеном, с которым нельзя иметь никакого дела <...> а его невозмутимый покой, удовлетворённость и блаженство прямо противоречат человеческой природе» [24; С. 218].

Таким образом, очевиден скорее критический настрой творчества писателя к стоицизму, что, однако, не исключает того, что А. П. Чехов использовал стоические идеи (прежде всего, из наследия Марка Аврелия), которые в его поздних произведениях варьируются от тонких аллюзий, до парафразов и прямых цитат [32; С. 1211]. По мнению зарубежных исследователей, можно говорить о том, что в поздних произведениях А. П. Чехов всё-таки допускает частичное принятие стоической стратегии существования в мире, который полон страданий [Ibid; С. 1213].

На фоне общего увлечения русской интеллигенции сочинениями стоиков идеи последних получают осмысление в ряде произведений М. Горького. Важнейшие среди них – «Часы отдыха учителя Коржика» (1896), «Как меня обрили» (1896), «О писателе, который зазнался» (1900). Все эти произведения объединяет противопоставление стоического учения как оно есть и горячности, пламенности революционного духа, жажде справедливости, желанию «видеть всех людей земли гордыми, свободными, красивыми» [4; С. 486–487]. Осуждая мещанский, трусливый и апатичный образ мышления и жизни некоторых своих читателей в рассказе «О писателе, который зазнался» (1900), рассказчик говорит так: «Вы стоики, потому что рабы. Вас бьют – вы молчите, вас оскорбляют – вы улыбае-тесь» [Там же; С. 486].

Произведение «Часы отдыха учителя Коржика» (1896) рисует перед нами образ представителя интеллигенции: жалкого, разочаровавшегося во всём и спивающегося человека, который не сумел «сохранить в себе святого огня, который всё очищает и в свете которого были бы невозможны те тусклые дни и всё то, чем наполняется день ото дня бедная жизнь нашего общества» [6; С. 639]. В таком плачевном состоянии человек предпочитает обратиться к стоикам. Напившись, Коржик «начинает хвалебную речь» [Там же; С. 411] перед изображением Сенеки, превознося его мудрость и прозорливость. Находя утешение в его учении, он с грустью говорит, что современные люди равнодушны к жизни даже более, чем поучал Сенека, они равнодушны к благу, злу и покоряются первому удару судьбы [Там же; С. 411]. «Таков, о Сенека, я, – говорит Коржик, – и таковых много» [Там же; С. 412].

Впрочем, из более поздней переписки М. Горького становится понятно, что впечатление, произведённое на него трудами стоиков, было всё-таки неоднозначным: писатель давал и положительную оценку некоторым аспектам стоицизма. Например, он писал, что есть «мужественный и активный стоицизм, не устрашаемый никакими страданиями» [5; С. 212], который несколько не мешает людям двигаться к основной цели – уничтожению зла жизни. Символом именно таких качеств, как беззаветная преданность долгу, мужество и решительность в тяжёлых условиях, предстаёт многократно упоминаемый М. Горьким стоицизм и в его переписке, и в наиболее поздних произведениях.

В творчестве Л. Н. Толстого стоическое наследие получило однозначно позитивное и разноплановое осмысление, что является исключением из литературного контекста эпохи. Так, стоицизм – наряду с учением Стои – интересовал писателя не только как моральная доктрина, но и как глубокое религиозное учение, мотивам которого мыслитель отводил важное место в своей собственной религиозной концепции и которое получило осмысление в его «теоретических» произведениях [19; С. 381]. Что касается художественных произведений писателя, то специалисты выделяют целый ряд текстов, где стоицизм показан и в религиозно-философском, и в нравственном аспектах [9]. Среди них, например, «Отрочество» (1854), «Война и мир» (1865–1869), «Воскресенье» (1889), «Божеское и человеческое» (1906), «Отец Сергей» (1911) и др. Наиболее ярко и отчётливо мотивы стоического пантеизма и стоической нравственности прослеживаются в монологе Пьера, посвящённом внутренней свободе («Война и мир»). «Ха, ха, ха! – смеялся Пьер <...> – Не пустил меня солдат. Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого меня? Меня! Меня – мою бесмертную душу! <...> Пьер взглянул в небо, в глубь уходящих, играющих звёзд. “И всё это моё, и всё это во мне, и всё это я! – думал Пьер. – И всё

это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!”» [18; С. 105–106].

В Российской империи деятели национальных культур тоже осмыслили стоицизм. Например, польский писатель Г. Сенкевич ввёл стоиков в сюжет исторического романа «Quo vadis» (1896). В произведении представлен образ Сенеки, упоминаются Эпиктет, Корнут, Тразея Пет, выстраивается описание стоического учения на фоне молодого христианства, которому философия Пёстрога портика явно уступает. Так, автор обращает внимание читателя на несоответствие поступков Сенеки и прочих стоиков их взглядам [13; С. 15, 35, 133], а сама мысль Стои в произведении предстаёт как учение, сосредоточенное на идее смерти [Там же; С. 38–39, 44]. Также в самом конце романа – в письме главного героя Виниция «арбитру изящества» Петронию – предлагается вывод: «Люди доселе не знали бога, которого можно любить, потому и сами друг друга не любили, отчего были несчастливы <...> Сухое, холодное учение стоиков, к которому влекутся люди добродетельные, закаляет сердца, как стальные мечи, но скорее делает их равнодушными, чем улучшает» [Там же; С. 408].

Стоицизм в американской и европейской художественной литературе после Первой мировой войны

Как правило, стоицизм прочно ассоциируется с учением, которое становится актуальным в плохие времена. В известной степени это можно сказать и об эпохе после Первой мировой войны, когда и в Европе, и в США происходит мучительная рефлексия над произошедшим. В это время стоицизм оказывается мировоззрением, которое находит отражение в зеркале художественных произведений. Однако характер этого отражения всё больше упрощается, отдаляется от учения самих стоиков, а иногда и вовсе приобретает чуждые для исторической Стои черты.

В европейской литературе это справедливо в первую очередь для португальского поэта, писателя и мыслителя-эссеиста Ф. Пессоа. От лица своих гетеронимов¹ (Рикарду Рейшу, барона Тейве, Бернарда Соареша и др.) он рефлексировал над стоическим учением и выстраивает глубокую и своеобразную интерпретацию стоицизма, которая в ряде моментов отличается мотивами крайнего пессимизма, равнодушия не только к «внешнему», но и к «внутреннему».

¹ Принято считать, что гетеронимы Ф. Пессоа были не просто псевдонимами; они были его олицетворёнными субличностями, что вынуждает нас с некоторой долей условности говорить о них как о персоналиях.

Р. Рейшу, один из главных гетеронимов писателя, в большей степени, чем другие, является стойком. Основой для этого послужила его приверженность неоязычеству. По мнению Р. Рейшу, именно древние языческие верования в полной мере близки к Природе, сущности человека, соответствуют его социальности. По его словам, христианская цивилизация – общество «жесточкой многовековой лжи гуманного монотеизма» [36; P. 156] – достойна лишь ненависти ввиду её тотальной ложности и несовершенства. «Наш цивилизованный менталитет, – замечает он, – утратил способность к равновесию, умеренности и разуму» [Ibid; P. 156]. Для современных язычников, как изгнанников среди превратного и враждебного мира, единственно возможный путь – «принять одну из двух последних школ языческого мышления: стоицизм или эпикурейство» [Ibid; P. 155].

Подчёркивая близость учений Зенона и Эпикура, что характерно для творчества и других гетеронимов Ф. Пессоа, Р. Рейшу считает, что «кульминация стоицизма заключается в самодисциплине и преданности своей судьбе [Цит. по: 32; S. 1216]. Сообразно с этим принципом составлено и короткое предисловие к сборнику его поэзии, где Р. Рейшу с глубокой любовью пишет о языческом чувстве, подчёркивая его нерелевантность всему современному: «Даже наше спокойствие и смутный стоицизм некоторых из нас не имеют никакого сходства со спокойствием древности и стоицизмом греков» [35; P. 81]. Сами его оды органично связаны с его языческим умонастроением. Они пронизаны печалью, чувством тоски странника, для которого этот мир чужд и превратен, но который понимает и принимает неизбежность своей судьбы. Стоические аллюзии разворачиваются здесь в полной мере. Единственная свобода, которая есть у человека, – подчинить свою волю верховной власти судьбы и богов [Ibid; P. 93], подражать им, «чтобы радовать их взор» [Ibid; P. 93]. Идеал этого подражания – совершенная атараксия. Поэт призывает богов подарить ему лишённую всех аффектов «холодную свобод высот Ничто» [Ibid; P. 129] и желает, «как нестрогий стоик <...> наслаждаться каждой буквой приговора, изречённого судьбой» [Ibid; P. 125]. Впрочем, стоическая атараксия, сближаясь с эпикурейской и в то же время приобретая совсем чуждые им обеим черты, достигает здесь полного равнодушия не только к миру и его делам, но и к мудрости, любви и даже к самой жизни [Ibid; P. 99].

Апелляции к Стое имеют место в творчестве и других гетеронимов Ф. Пессоа, не отличаясь, впрочем, глубиной и силой. Так, от имени борона фон Тейве написана книга «Воспитание стойка». Однако несмотря на название, она имеет мало общего как с теоретическим, так и с практическим стоицизмом; автор лишь использует общие места из стоиков, чтобы облагородить ничтожность своего существования [32; S. 1220]. В похожем ключе говорит о своём «стоицизме» Б. Соареш в «Книге непокоя» (1934).

В ситуации неизбежной тревоги и неудовлетворённости жизнью он высказывает желание надеть маску стоика [10; С. 320].

Предположение, что современники Великой войны прибегали к стоицизму в надежде отступить в крепость внутреннего «Я» перед лицом предельно обострившихся противоречий мира вполне правомерно. Однако это не стало общим правилом. Так, Э. М. Ремарк, который достаточно равнодушно высказывался о философии на страницах своих произведений, удостоивает стоиков отдельных критических замечаний. Главный герой его рассказа «Финал» (1923) – полностью пресытившийся и разочаровавшийся в жизни молодой человек – кончает жизнь самоубийством, отказываясь признавать ценность за чем бы то ни было, в том числе и за стоическим спокойствием: «Впрочем, в сущности, безразлично, как именно тебя обманывают, потому что всё равно обманывают всегда. Вера в женщину или только в себя, Шопенгауэр или лесть, Эпикур или хладнокровие стоиков: всё это – всего лишь обман» [11; С. 48].

Другим представителем плеяды писателей потерянного поколения, творчество которых традиционно ассоциируется со стоицизмом, является Э. Хемингуэй. Его переписка, опубликованная в 1981 году [31], уже на титульном листе содержит цитату из Эпиктета: «Сначала скажи себе, кем ты хочешь быть, и вот тогда делай что делаешь» [25; С. 196]. Современники Э. Хемингуэя и исследователи наших дней [37], в свою очередь, говорят о стоическом поведенческом кодексе и мироощущении его героев [8; С. 278]. Однако нельзя не отметить, что в художественных произведениях писателя сколько-нибудь очевидные отсылки к учению Стои очень скудны, если не сказать большего [32; S. 1223], а в сборнике его писем есть лишь одно ироничное упоминание о Марке Аврелии [31; P. 126]. Представляется, однако, что вопрос статуса стоических мотивов в творчестве Э. Хемингуэя необходимо рассматривать в более широком литературном и историческом контекстах, где стоицизм оказывается имманентен самой культуре США.

В критической литературе содержится немало мнений о причастности стоицизма ментальности [37] [27; P. 102] и культуре США [33; P. 105–106]. Такие оценки выглядят обоснованными, особенно если учесть чрезвычайную значимость стоицизма для ключевого региона Америки XIX века – южных штатов. Говоря об этом, влиятельный американский писатель У. Перси называл стоицизм главным этосом Юга [33; P. 105], который как практическая философия оказал на мировоззрение его высшего класса огромное влияние. Аристократ-южанин, конечно, был христианином, но как христианин он *лишь умирал*, в то время как повседневная жизнь его была проникнута стоическими пафосом и моралью [34; P. 84–86]: когда он называл новый город «Коринф», это была отсылка не к общине апостола Павла,

но к древним грекам; отправляясь в путешествие, он скорее брал с собой книгу Эпиктета, чем книгу Псалмов [Ibid; P. 85]. У. Перси пишет, что одной из причин тому явилось почти повсеместное знание древнегреческого языка и латыни. Поэтому «все хорошо образованные молодые джентльмены Юга знали своих Цицерона, Горация, Вергилия, Сенеку, а также Марка Аврелия» [33; p. 105].

Стоицизм, занимавший столь важное место практической философии на Юге США, оказал не менее важное влияние на литературу этой страны, прочно войдя в структуру «американской чувствительности» [29; P. 108]. По мнению американского литературного критика профессора Стэндфордского университета А. Герарда, американская литература в конце XIX – начале XX веков проделала путь от невозможных романтических идеалов морального и духовного совершенства через периоды сильного отчаяния и болезненного нигилизма к «стоической мудрости, отмеченной позитивным и мужественным принятием реальности» [Ibid]. Начало этого пути А. Герард видит в ментальности колонистов, впервые прибывавших на американский континент. Об этом он пишет так: «Новое общество должно было быть построено на девственном континенте; оно было бы не только в целом процветающим, но и совершенно свободным, совершенно счастливым, совершенно демократическим обществом» [Ibid; P. 96]. Одним из измерений такого умонастроения – наряду с осуществлением социального идеала, за который боролась другая ветвь американской литературы, представленная, в частности, романами Дж. Стейнбека, – было желание облагородить этический и «метафизический» взгляд индивида. Однако это стремление быстро столкнулось с осознанием ограниченности и несовершенства человеческой природы. Если писатели XIX в. усматривали испорченность человека и мира в результате собственных прозрений и долгой творческой эволюции, то для новеллистов XX века она предстала в конкретных формах. Как пишет А. Герард, «воспоминания о Гражданской войне, ускоренная индустриализация страны, распространение меркантильного духа, несправедливость гиперкапитализма и две мировые войны – всё это разрушило надежду когда-нибудь осуществить старую американскую мечту о совершенном обществе» [Ibid; P. 101]. Именно в этом контексте совершается переход многих американских авторов к мировоззрению, которое, отказываясь от чрезмерных притязаний на сверхчеловеческие цели, признаёт ограниченность человеческой природы, учится смирению через страдание и гордости через способность эти страдания «выдюжить». Именно это слово (to endure) приобретает решающее значение для целого направления американской литературы, а главными её героями становятся «недостойный священник “Силы и славы” Грэма Грина, <...> ветеран войны Хемингуэя или фолкнеровский идиот» [Ibid; P. 105].

А. Герард справедливо пишет, что «это стоицизм, но совершенно американский стоицизм, преображённый мужеством пионеров-колонистов» [Ibid]. То, что достигает новый герой американской литературы, – это не *ataraxia* стойков (неуязвимость через отрешённость). Этот герой страдает, но упорствует в своём страдании [Ibid].

Итак, мы предлагаем говорить о стоицизме героев Э. Хемингуэя в описанном выше ключе, поскольку не видим в его текстах каких-либо достаточно ясных отсылок к стойкам и исключительно стоическим понятиям. Думается, что в творчестве Э. Хемингуэя на самом деле гораздо меньше фрагментов, напрямую связанных с учением Стои, чем принято считать. Для примера возьмём одно из самых знаменитых произведений писателя «Старик и море» (1952). Не вызывает сомнений, что Старик являет пример необычайного мужества и невозмутимости перед лицом незавидной судьбы, бедности, неудач и испытаний в море. Всякий раз, когда он достигает границы истощения и отчаяния, он напоминает себе о своей выносливости и стойкости, способности вытерпеть боль; сохраняет достоинство, даже проиграв. Однако слишком неочевидно, что Сантьяго, в процессе борьбы с рыбой вступающий с ней в симбиотические отношения и воспринимающий её как брата, действует в соответствии с именно стоическим учением [32; S. 1223]. В указанном эпизоде нам видится скорее христианское мироощущение персонажа. Для стойков идеалом является единство богов и людей как разумных существ; различие между животными и людьми радикально: для первых недоступно благо [12; С. 263]. Также о христианском, а не о стоическом, как указывают иногда [32; S. 1128], характере мышления Старика говорит эпизод, в котором иллюстрируются его совершенно нестоические чувства *сострадания* [21; С. 72] и *жалости* [Там же; С. 61–62] к рыбе. Он боится причинить ей лишнюю боль, поскольку со своей болью он может справиться, в то время как рыба может обезуметь от страданий. Наконец, Сантьяго на протяжении романа несколько раз говорит о надежде [Там же; С. 8; 87], в то время как эта добродетель была чужда как Античности, так стоической морали.

Стойк и «общественное»: критика нарративного образа стоицизма в художественной литературе конца первой половины XX века

Как мы показали выше, нарративный образ стоицизма, сложившийся к первой трети XX века, отличался пассивно-пессимистическим характером. В связи с этим нельзя не отметить, что уже к середине XX века поэты и писатели Европы и Америки акцентируют внимание на чуждости стоического образа мысли всяким попыткам позитивного преобразования реаль-

ности¹. Более того, в ряде случаев стоицизм прямо обвиняется в благоприятствовании превратным социальным порядкам, трактуется как тимая и безответственная косность. И хотя похожую точку зрения мы встречали ещё у А. П. Чехова и М. Горького, думается, что кризисы нового века существенно обострили проблему.

Так, например, перу Б. Брехта, решительного антифашиста и марксиста, вынужденного эмигрировать из нацистской Германии и много лет выступавшего против германского режима, принадлежит стихотворение «Осуждение античных идеалов» (написано в период с 1939 по 1947 гг.). В нём поэт изображает старца-философа римской эпохи, в образе которого ясно видится стоик. Гневно обрушиваясь на его покорность судьбе и веру в неустранимость бед, безответность и чуждую борьбы невозмутимость, Б. Брехт выносит ему смертный приговор [2; С. 259].

Примерно в это же время в творчестве американских писателей Т. Уайлдера и У. Перси появляется оценка стоицизма как учения, которое чуждо жизни, позитивному развитию, преобразованию. Так, в произведении Т. Уайлдера «Мартовские иды» (1948) Цезарь говорит о правящей в мире неизбежности, о целых областях жизни, «где все наши стремления не в силах ничего изменить, а наши страхи – предотвратить» [20; С. 201–202]. И хотя, по его словам, самое яркое впечатление о неизбежности человеку даёт смерть, он тут же замечает: «Я не поклонник учения стоиков и не верю, что созерцание смерти учит нас, что *человеческие усилия тщетны, а радости жизни призрачны* (курсив мой – Д. П.). С каждым годом я всё более иступлённо прощаюсь с весной и с каждым днём всё больше хочу обуздать течение Тибра, хотя те, кто придёт мне на смену, возможно, позволят ему бессмысленно стекать в море» [Там же; С. 202–203].

Несколько позже У. Перси подробно рассмотрит проблему социальной ответственности стоицизма в эссе «Стоицизм на Юге» (1956). В центре его внимания окажется расовый вопрос – одна из острейших проблем южных штатов. Для высшего общества Юга XIX века в соответствии с его стоическим мироощущением наиболее ценным был принцип *noblesse oblige*: суровый внутренний призыв представителя благородного сословия к полноте человечности, долгу, чести, великодушию по отношению к собратьям, а более всего – к низестоящим. Причиной тому, однако, была не христиан-

¹ О том, что этот взгляд – ещё одно нарративное прочтение, в контексте своей эпохи легитимное, но не основанное на историческом облике Стои, свидетельствуют работы П. Адо. Он подчёркивает вовлечённость стоиков в политические дела, продвижение ими реформ, заботу о благе людей [1; С. 259–261].

ская любовь или сострадание. Напротив, в соответствии со стоическим взглядом на мир сделать что-либо несправедливое по отношению к нижестоящему – значит осквернить собственную внутреннюю крепость [34; P. 85]. Таким образом, из полной сосредоточенности на внутреннем достоинстве с необходимостью следовало снижение значимости проблем мира. Стоический джентльмен Юга был, как хозяин во времена рабовладения или как представитель элиты после Гражданской войны, великодушен по отношению к чёрному населению и принимал его благодарность как должное. Но что касается кредо этого джентльмена, то «его звёздный час – молчаливо и иронично сидеть, в то время как мир вокруг него с грохотом рушится» [Ibid]. С такой позиции невозможно инициировать позитивные изменения сегрегационного общества вокруг себя или хотя бы встать на сторону чёрного населения, которое в XX веке начинает борьбу за свои права. «Факт заключается в том, – подводит итог писатель, – что ни этос, ни традиционный взгляд на мир высшего класса белых южан больше не адекватен сложившейся ситуации» [Ibid; P. 84].

В более жёсткой форме та же мысль была высказана в разгар движения за гражданские права Дж. Даббсом. Анализируя взгляды У. Перси, он приходит к выводу, что аристократы южных штатов начала XIX века сознательно прибегали к стоицизму как средству (*stoic remedy*), которое позволило бы оправдать расширение рабовладельчества и справиться с растущим осознанием моральной неприемлемости такого рода вещей. Эта апология, как пишет Даббс, была невозможна в гуманистической атмосфере XIX столетия внутри христианства, всё более и более заботящегося о жизни в мире, но была легко обоснована в рамках стоической доктрины, для которой условия существования человечества *не имеют значения* [28; P. 127].

Таким образом, мировая художественная литература в конце XIX – первой половине XX веков содержит ряд различных интерпретаций нарративного образа стоицизма. Писатели и поэты в это время провели серьёзную работу по осмыслению места Стои в современном им мире. Основываясь на описанном выше анализе, мы выделяем следующие черты нарративного образа стоицизма в интересующем нас периоде.

1. Нарративный образ стоицизма с течением времени отдаляется от учения Стои, нередко приобретая вовсе чуждые ему черты. Рецепции стоицизма, в свою очередь, в большинстве случаев не сопровождаются обстоятельным изучением писателями текстов самих стоиков.

2. В целом отношение к стоицизму у разных писателей различается от острой критики до принятия в качестве защитного средства перед лицом мира и его проблем. Стоицизм в мировой художественной литературе приобретает черты негативной программы. Литература этого периода не являет

ничего, что было бы похоже, например, на роман известного американского писателя Тома Вулфа «Человек в полный рост» (1998), где стоицизм представлен как в высшей степени позитивная программа бытия в мире, как сильная альтернатива современному потребительству, культу успеха и даже христианской религии [3].

3. Из имеющихся позитивных трактовок стоицизма обращает на себя внимание их связь с религиозными воззрениями стоиков (Л. Н. Толстой, Ф. Пессоа). Принимая во внимание имевшие место в 1920-х годах попытки превратить стоицизм в настоящее вероисповедание [17; С. 350–351] с чётким культом, адептами и богослужениями, можно говорить об определённой тенденции.

4. Обращает на себя внимание усталость от пассивно-пессимистического образа стоицизма в литературе конца второй четверти прошлого века. Возможно, именно эта критика отчасти послужила причиной переосмысления ключевых характеристик стоицизма, преобразования его в философию уже не смерти, но жизни, ответственности, заботы о себе и других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо П. Философия как способ жить. – СПб.: Степной ветер; Коло, 2005.
2. Брехт Б. Стихотворения. Рассказы. Пьесы. – М.: Художественная литература, 1972.
3. Вулф Т. Мужчина в полный рост. – М.: Амфора, 2006.
4. Горький М. О писателе, который зазнался // ПСС. В 25 т. Т. 5. – М.: Наука, 1970.
5. Горький М. Письма // В 24 т. Т. 15. – М.: Наука, 2012.
6. Горький М. Часы отдыха учителя Коржика // ПСС. В 25 т. Т. 2. – М.: Наука, 1969.
7. Громов Л. П. Реализм А. П. Чехова второй половины 80-х годов. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1958.
8. Зарубежная литература XX века / Под ред. В. М. Толмачёва. – М.: Академия, 2003.
9. Николаева Н. А. Л. Н. Толстой и нравственная философия стоиков: Автореферат дис. канд. филолог. наук – СПб., 2007.
10. Пессоа Ф. Книга покоя. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
11. Ремарк Э. М. Финал // От полудня до полуночи. – М.: АСТ, 2015.
12. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. – М.: Художественная литература, 1986.
13. Сенкевич Г. Quo vadis // Соч. В 9 т. Т. 8. – М.: Художественная литература, 1985.
14. Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. – М.: Художественная литература, 1972.
15. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1988.
16. Собенников А. С. Чехов и стоики // Философия Чехова. Материалы международной научной конференции. Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г. – Иркутск, 2008.
17. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. – М.: АО КАМИ ГРУПП, 1995.
18. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 4 // ПСС. В 90 т. Т. 12. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1940.
19. Толстой Л. Н. В чем моя вера? // ПСС. В 90 т. Т. 23. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
20. Уайлдер Т. Мартовские иды. Мост короля Людовика Святого. – М.: АСТ, 2018.
21. Хемингуэй Э. Старик и море. Зеленые холмы Африки. – М.: АСТ, 2017.
22. Чехов А. П. Палата №6 // Соч. В 18 т. Т. 8. – М.: Наука, 1985.
23. Чехов А. П. Письма // В 12 т. Т. 3. – М.: Наука, 1976.

24. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – Минск: Литература, 1998.
25. Эпиктет. Беседы. – М.: Ладомир, 1997.
26. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. – СПб.: Наука, 2000.
27. Bishop C. Medievalist Comics and the American Century. – The University Press of Mississippi, 2016.
28. Dabbs J. M. Who Speaks for the South? – New York: Funk & Wagnalls, 1964.
29. Gerard A., Halperin E. P. Romanticism and Stoicism in the American Novel: From Melville To Hemingway, and After // *Diogenes*. №6 (23). 1958. P. 195–110.
30. Goetsch P. Shakespeare und die englische Rezeption des Stoizismus // *Stoizismus in der europäischen Philosophie, Literatur, Kunst und Politik. Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Moderne*. B. 2. – Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 2008. S. 673–710.
31. Hemingway E. Selected letters. 1917 – 1961. – New-York: Scribner, 1981.
32. Pauly F. Vom Überleben in heillosen Zeiten. Stoizismus in der Weltliteratur vom Fin de siècle bis zur Gegenwart // *Stoizismus in der europäischen Philosophie, Literatur, Kunst und Politik. Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Moderne*. B. 2. – Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 2008. S. 1201–1266.
33. Percy W. Difficult Times // *More Conversations with Walker Percy*. – Jackson: The University Press of Mississippi, 1993.
34. Percy W. Stoicism on the South // *Signposts in a Strange Land*. – New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1991.
35. Pessoa F. A Little Larger Than the Entire Universe. Selected poems. – New-York: PENGUIN BOOKS, 2006.
36. Pessoa F. Neopaganism // *The Selected Prose of Fernando Pessoa*. – New-York: Grove Press 2001.
37. Sacks K. S. Stoicism in America // *The Routledge Handbook of the Stoic Tradition*. – London, New-York: Routledge, 2016. P. 331–345.

TRANSLIT

1. Ado P. *Filosofiya kak sposob zhit'*. – SPb.: Stepnoj veter; Kolo, 2005.
2. Brekht B. *Stihotvoreniya. Rasskazy. P'esy*. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1972.
3. Vulf T. *Muzhchina v polnyj rost*. – М.: Amfora, 2006.
4. Gor'kij M. *O pisatele, kotoryj zaznalsya* // *PSS*. V 25 t. T. 5. – М.: Nauka, 1970.
5. Gor'kij M. *Pis'ma* // V 24 t. T. 15. – М.: Nauka, 2012.
6. Gor'kij M. *Chasy otdyha uchitel'ya Korzhika* // *PSS*. V 25 t. T. 2. – М.: Nauka, 1969.
7. Gromov L. P. *Realizm A. P. Chekhova vtoroj poloviny 80-h godov*. – Rostov-na-Donu: Ros-tovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958.
8. *Zarubezhnaya literatura XX veka / Pod. red. V. M. Tolmachyova*. – М.: Akademiya, 2003.
9. *Nikolaeva N. A. L. N. Tolstoj i npravstvennaya filosofiya stoikov: Avtoreferat dis. kand. filolog. nauk – SPb., 2007*.
10. *Pessoa F. Kniga nepokoya*. – М.: Ad Marginem Press, 2016.
11. *Remark E. M. Final // Ot poludnya do polunochi*. – М.: ACT, 2015.
12. *Seneka. Npravstvennye pis'ma k Luciliyu. Tragedii*. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1986.
13. *Senkevich G. Quo vadis // Coch*. V 9 t. T. 8. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1985.
14. *Skaftymov A. Npravstvennye iskaniya russkih pisatelej*. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1972.
15. *Slovar' russkogo yazyka*. V 4 t. T. 4 / Pod red. A. P. Evgen'evoj. – М.: Russkij yazyk, 1988.
16. *Sobennikov A. S. Chekhov i stoiiki // Filosofiya Chekhova. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Irkutsk, 27 iyunya – 2 iyulya 2006 g.* – Irkutsk, 2008.
17. *Stolyarov A. A. Stoya i stoicizm*. – М.: AO KAMI GRUPP, 1995.
18. *Tolstoj L. N. Vojna i mir*. T. 4 // *PSS*. V 90 t. T. 12. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1940.
19. *Tolstoj L. N. V chem moya vera? // PSS*. V 90 t. T. 23. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1957.
20. *Uajlder T. Martovskie idy. Most korolya Lyudovika Svyatogo*. – М.: AST, 2018.
21. *Heminguejh E. Starik i more. Zelenye holmy Afriki*. – М.: AST, 2017.
22. *Chekhov A. P. Palata №6 // Soch*. V 18 t. T. 8. – М.: Nauka, 1985.
23. *Chekhov A. P. Pis'ma* // V 12 t. T. 3. – М.: Nauka, 1976.
24. *Shopengauehr A. Mir kak volya i predstavlenie*. – Минск: Literatura, 1998.

25. Ehpiktet. Besedy. – M.: Ladomir, 1997.
26. Yaspers K. Vsemirnaya istoriya filosofii. Vvedenie. – SPb.: Nauka, 2000. Bishop C. Medievalist Comics and the American Century. – The University Press of Mississippi, 2016.
27. Bishop C. Medievalist Comics and the American Century. – The University Press of Mississippi, 2016.
28. Dabbs J. M. Who Speaks for the South? – New York: Funk & Wagnalls, 1964.
29. Gerard A., Halperin E. P. Romanticism and Stoicism in the American Novel: From Melville To Hemingway, and After // Diogenes. №6 (23). 1958. P. 195–110.
30. Goetsch P. Shakespeare und die englische Rezeption des Stoizismus // Stoizismus in der europäischen Philosophie, Literatur, Kunst und Politik. Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Moderne. In 2 b. B. 2. – Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 2008. S. 673–710.
31. Hemingway E. Selected letters. 1917 – 1961. – New-York: Scribner, 1981.
32. Pauly F. Vom Überleben in heillosen Zeiten. Stoizismus in der Weltliteratur vom Fin de siècle bis zur Gegenwart // Stoizismus in der europäischen Philosophie, Literatur, Kunst und Politik. Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Moderne. In 2 b. B. 2. – Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 2008. S. 1201–1266.
33. Percy W. Difficult Times // More Conversations with Walker Percy. – Jackson: The University Press of Mississippi, 1993.
34. Percy W. Stoicism on the South // Signposts in a Strange Land. – New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1991.
35. Pessoa F. A Little Larger Than the Entire Universe. Selected Poems. – New-York: PENGUIN BOOKS, 2006.
36. Pessoa F. Neopaganism // The Selected Prose of Fernando Pessoa. – New-York: Grove Press 2001.
37. Sacks K. S. Stoicism in America // The Routledge Handbook of the Stoic Tradition. – London, New-York: Routledge, 2016. P. 331–345.